

Прежде чем открыть глаза, Джин услышал монотонный писк кардиомонитора. Разомкнув веки, он увидел перед собой безупречно белый потолок, а в нос ударил резкий, въедливый запах антисептика.

Дежуривший у постели Водка сразу же засуетился и бросился за врачом. Джин тем временем бесстрастно осмотрелся. Лишь поняв, что находится в подконтрольной клинике Организации, он ослабил бдительность. Но лишь наполовину — остальная часть его существа по-прежнему оставалась настороже, готовая встретить любого врага, который вздумает воспользоваться его слабостью.

Обошлось без сюрпризов. Осмотревший его доктор лишь изумился тому, как стремительно затягиваются раны, и, наказав соблюдать покой, удалился. Водка, прекрасно знавший, что босс не терпит чужого присутствия, когда слаб, молча прикрыл за собой дверь и остался караулить в коридоре.

Кровь и плоть восстановились, но тело всё ещё слушалось с трудом. Джин остался лежать неподвижно, восстанавливая в памяти цепочку событий.

Ему снился долгий, изнурительный сон. Сон о прошлом, которое вдруг пошло по иному пути, и где в финале он разделил гибель со своим единокровным братом.

Был ли то лишь бред воспалённого разума? Да, несомненно. Ведь он сам когда-то лишил Икароса жизни и зарыл труп под половицами их старого дома.

И всё же Икарос вернулся.

Восстань из могил хоть все бывшие враги, Джин без колебаний отправил бы их обратно в пекло. Но Икарос...

— Икарос... Икарос... — едва слышно прошептал он.

Впервые он увидел брата, когда ему самому едва исполнилось семь. Отец опустил в его детские руки крошечный, только что родившийся свёрток и сухо бросил, что отныне забота о нём — его новая задача.

Мальчик рос одарённым. Стоило ему впервые взять в руки клинок, как он интуитивно понял, куда нужно ударить, чтобы оборвать жизнь. Он никогда не ходил в школу — знания черпал из книг, стопки которых регулярно сменяли друг друга на полках, да из скупых наставлений отца. Позже, когда его привели в Организацию и бросили в пекло тренировочного лагеря вместе с другими сиротами, он превзошёл их всех: и по остроте ума, и по несгибаемой воле, и по умению мгновенно принимать решения.

Но даже этот прирождённый гений пасовал перед необходимостью менять грязные пелёнки и разводить молочную смесь. Икарос рос болезненным, весил меньше нормы и угасал от малейшего сквозняка, выматывая Джина бесконечным плачем. Потребовалось колоссальное усилие воли, чтобы в один прекрасный день просто не задушить этот хрупкий пищущий комочек.

Уход за младенцем давался ему со скрипом. Остаётся лишь удивляться, какой невероятной жадой жизни обладал этот ребёнок, раз умудрился не погибнуть от рук неопытного старшего брата.

Первой по-настоящему невыполнимой задачей в жизни безжалостного киллера стала забота о слабом существе.

Разумеется, ни о какой привязанности не шло и речи. Джин выполнял приказ. И всё же каждый раз, прижимая к себе крохотное тельце, глядя в его тусклые, лишённые осознанности глазёнки и прислушиваясь к прерывистому дыханию, он ловил себя на странном, почти мистическом чувстве сопричастности к тайне крови.

Он полагал, что полностью подчинил себе мальчишку. Считал его своей собственностью — послушной вещью, домашней птицей, запертой в золотой клетке.

Но птица вырвалась и улетела, даже не обернувшись. В тот день Джин вновь почувствовал то же бессилие, что и много лет назад у колыбели: перед ним стояла задача, решения которой у него не было.

Позже Икарос погиб. Погиб от его руки, исполнив детскую клятву Джина — лично оборвать его земной путь. Казалось бы, в этой истории была поставлена точка.

Но судьба преподнесла очередной сюрприз.

Икарос... или Кагэ Куросава — имя, которое он выбрал для него сам — вернулся подобно навязчивому призраку прошлого. Восстал из пепла и вновь ступил на землю живых.

Что ж, пусть так. Если когда-то в детстве он сумел выходить обречённого младенца, подарив ему право на жизнь, то теперь без труда решит и обратную задачу. Кагэ Куросава должен исчезнуть навсегда. И на этот раз пощады не будет.

Джин закрыл глаза, мысленно чертя план будущей схватки.

Когда А-Эр открыл глаза, первое, что он увидел, было обеспокоенное лицо Рея Фуруи. Тот пришёл в себя на полдня раньше и уже успел собрать всю доступную информацию.

Для случайных свидетелей произошедшее выглядело прозаично: группа молодых людей попыталась скрутить преступника, но внезапно рухнула без чувств. Руководство Фуруи из Бюро общественной безопасности оперативно замяло инцидент. Официальная версия гласила, что злоумышленник успел незаметно отравить их быстродействующим снотворным. Самого же преступника — проклятого шамана, страдавшего сонной болезнью, — тихо изолировали сотрудники особого отдела, а пострадавших спешно распределили по больничным палатам.

А-Эр ничуть не удивился. Сколько он себя помнил, за ним вечно кто-то шпионил, так что паранойя давно стала частью его рутины. Устраивать сцены и выводить соглядатаев на чистую воду ему было попросту лень. Да и присутствие Фуруи в том кафе едва ли было случайным совпадением — скорее всего, блондин устроил там засаду лично на него.

Озадачивало другое: как этот правительственный агент умудрился вычислить его маршрут? Ладно Джин, знающий его повадки до мелочей, или Вермут с её пугающим талантом к перевоплощению. Но для всех прочих его маскировка должна была оставаться безупречной. Даже хваленые сыщики не разглядели бы подвоха.

Ответ напрашивался сам собой: Фуруя досконально изучил его привычки, к чему приложились невероятное везение и проклятый фатум — вернее, системные алгоритмы, ведь вокруг Игрока по умолчанию всегда творилась какая-то чертовщина.

— Голова всё ещё раскалывается? — спросил Фуруя, сидевший у кровати и методично нарезавший яблоко дольками-кроликами. Заметив, что тарелка наполнилась, А-Эр без лишних церемоний принялся отправлять их в рот одну за другой.

— Терпимо, — буркнул он.

— Ещё бы, — со вздохом отозвался блондин. — Ведь именно твой разум послужил ядром для этого кошмара.

И действительно: иллюзорный мир, в котором они оказались заперты, соткался из воспоминаний А-Эра. Это был его личный призрак прошлого.

До этого Фуруя утверждал, что люди с запущенной сонной болезнью способны затягивать окружающих в свои сновидения, причём декорациями служат воспоминания жертв.

Теперь же правила игры обновились. Если в ловушку попадает несколько человек, Система выбирает лишь одного «донора» для симуляции. Критерий отбора пока оставался загадкой — возможно, дело было в силе воли или ментальной стабильности.

Жертва сонной болезни обычно переживала ключевой момент своей биографии, и, чтобы очнуться, ей требовалось поступить наперекор реальному ходу истории. Вот почему Фуруя предстал в том сне молодым кадетом, каким А-Эр его и помнил, а случайные попутчики — малышка Аюми Ёсида и Конан Эдогава — оказались разбросаны по случайным локациям.

Девочке не повезло больше всех: её забросило прямиком в стерильные стены секретной лаборатории. Если бы А-Эр не подоспел вовремя и над ней успели провести опыты, даже после пробуждения её психика была бы безвозвратно разрушена.

Но оставалась одна нестыковка: А-Эр в упор не помнил этой лаборатории. И уж тем более — странного дневника, найденного там.

Всё это походило не на обычный плод воображения, а на детально выверенную, альтернативную реальность.

Немного помолчав, он перевёл взгляд на собеседника.

— Как по-твоему, что такое сны?

— Сны? — Фуруя на миг задумался. — Наш мозг просто перерабатывает скрытые страхи и желания. Проекция подсознания, не более.

Но тут же, уловив глубинный смысл вопроса, добавил:

— Впрочем, некоторые верят, что во сне мы улавливаем сигналы из параллельных вселенных. Словно чужая память просачивается сквозь грани миров.

А-Эр мысленно согласился. Если помнить, что этот мир — всего лишь симуляция, где для спасения нужно сломать привычный сценарий, теория альтернативных веток развития казалась самой логичной.

— И какой же выбор сделал ты, чтобы вытащить нас всех оттуда? — поинтересовался Фуруя, протягивая ему очищенный от белых прожилок мандарин.

А-Эр, чьи челюсти усердно работали над очередной порцией угощений, скрывать ничего не стал:

— Я убил Джина.

— Вот как? — Фуруя застыл с занесёнными над тарелкой пальцами. Только безупречная выучка позволила ему сохранить невозмутимую маску на лице. — И каким же образом?

— Если точнее, мы подошли вместе, — А-Эр разжевал кислую мандариновую дольку, даже не поморщившись. Как и следовало из досье, собранного Бюро, парень обожал пищу с резким, агрессивным вкусом.

Пытаться аккуратно распутывать клубок мелких решений у него не было ни терпения, ни времени. Затяжной сон грозил выжечь мозг. Если они с Фуруей ещё могли продержаться за счёт крепкой менталки, то неокрепшая психика детей висела на волоске. Рисковать А-Эр не желал, а потому рубанул узел одним махом: устроил финальный аккорд с летальным исходом.

Хотя, если быть до конца честным перед самим собой, он просто увлёкся. Стоило им схлестнуться с Джином, как всякий здравый смысл испарился. Разум затопила первобытная жажда: разорвать глотку врагу или пасть самому.

И Джин, он был уверен, испытывал абсолютно то же самое.

Если отбросить вечные подозрения в предательстве, Джин слыл едва ли не идеальным руководителем. Он умел закрывать глаза на мелкие шалости подчинённых — как тогда, когда А-Эр разгромил лабораторию, а старший брат списал это на глупую детскую месть и замаял дело. К тому же он отличался редкой для преступного мира преданностью «своим»: стоило кому-то из киллеров пустить шпильку в адрес простоватого Водки, как Джин тут же жёстко осаживал наглеца.

В умении сохранять холодный рассудок ему не было равных. В любой кризисной ситуации он действовал прагматично, взвешивал риски и никогда не срывал злость на пешках, если те не прыгали выше головы. Конечно, если у него не возникало сомнений в чьей-то верности.

Но стоило на горизонте появиться А-Эру, как вся эта хвалёная выдержка летела к чертям.

Их поединки превращались в чистое безумие. Они дрались так, словно мир вокруг перестал существовать, не жалея ни сил, ни собственных жизней.

Оба брата были одного поля ягоды.

— И каково это — лишить жизни Джина?

Вопрос Фуруи прозвучал тихо. На самом деле на душе у спецагента скребли кошки. Джин запятнал себя кровью сотен невинных людей, и Рей всей душой желал увидеть его остывающий труп. Но знал ли А-Эр, кем именно ему приходился этот монстр?

Судя по отчётам и личным наблюдениям, парень даже не догадывался о кровном родстве с палачом Организации.

Убийство брата — клеймо, способное сокрушить любую психику. И пускай Джин однажды уже лишил А-Эра жизни, до его побега тот пользовался у старшего неслыханными поблажками. Не зря ведь по «Винному заводу» расползались самые грязные слухи об истинной природе их связи.

Кто бы мог подумать, что они родные братья, связанные узами, которые невозможно разорвать.

Чувства могут лгать, но кровь — штука упрямая. А-Эр вовсе не был рыцарем в сияющих доспехах, его собственная натура пугала своей непредсказуемостью. Фуруя всерьёз опасался, что в один прекрасный день этот парень просто вернётся к брату. Мысль о том, сколько проблем это принесёт общественной безопасности и сколько бессонных ночей ему придётся провести на работе, заставляла виски взрываться тупой болью.

Внезапный тихий смех А-Эра вырвал его из раздумий.

— Расслабься, — парень прищурился, весело глядя на него. — Я никогда не приму сторону Джина.

Пойманный с поличным Фуруя опешил, но быстро взял себя в руки. Скрывать тревогу больше не имело смысла.

— Почему ты так уверен?

— С чего тебе вообще пришло в голову, будто я переметнусь к тому, кто однажды меня прикончил? — А-Эр сладко потянулся. — Нет, мне, конечно, плевать на бывшие обиды. Но мириться с ним я не собираюсь. А вот почему... Это тебе и предстоит выяснить самостоятельно, господин лучший выпускник полицейской академии, Рей Фуруя.

В этот момент на лице Фуруи отразилась целая гамма эмоций — смесь крайнего изумления и невольного восхищения.

В конце концов, игра в шпионов всегда двусторонняя. Если ты копаешь под кого-то, будь готов к тому, что этот «кто-то» уже изучил твою подноготную.

И всё же Рей окончательно убедился: рассказы его друзей о Кадзуме Арааки грешили избыточным романтизмом. Каждый из них смотрел на этого парня сквозь розовые очки собственного восприятия.

«Нежный, милый, невинный, невыносимый, но добрый» — чепуха. Перед ним сидел безумно красивый, порочный и пугающе пустой человек, в глазах которого не читалось даже базового желания цепляться за жизнь.

С каждым новым шагом в этом расследовании старые шаблоны трескали по швам.

Рей чувствовал себя первооткрывателем, зашедшим в тупик перед неразрешимым уравнением.

Хиромицу Морофуси помнил его как чуткого и благородного спасителя, всегда готового прийти

на выручку.

Дзинпэй Мацуда ворчал, что это капризный, высокомерный и несносный мальчишка, которого, вопреки здравому смыслу, отчаянно хочется защитить.

Кэндзи Хагивара сравнивал его с диким уличным котом — ласковым, но готовым в любую секунду раствориться в темноте.

Для Джина он оставался упрямым глупцом, не способным извлечь уроки из собственных ошибок.

Водка шепотом аттестовал его как жуткого типа, который вечно витает в облаках и отлынивает от работы, но в драке способен биться с боссом на равных.

Рядовые боевики Организации шептались о прекрасном безумце, эгоистичном и смертоносном, чьё обаяние лишало воли.

Каждый видел своё.

Но кто же он на самом деле?

Кто такой Икарос?

Кем был Кадзума Арааки?

И кто скрывается под маской сейчас?

Сколько ещё слоёв лжи и притворства придётся снять, чтобы пробиться к его сути? Сколько пройти дорог, прежде чем пальцы нащупают живое, бьющееся сердце?

Рей затаил дыхание. Он жаждал этого момента — мгновения, когда он наконец сожмёт в ладонях его обнажённую, испуганную душу.

Как только за Фуруей закрылась дверь, в воздухе лениво соткался полупрозрачный силуэт Системы. А-Эр не заставил себя ждать: издав воинственный клич, он обрушил на него сокрушительный удар «Длани, карающей драконов», от которого у бедного фамильера должны были разорваться внутренности и хлынуть кровь горлом... Разумеется, всё это происходило лишь в его голове, но весомый подзатыльник Системе всё же достался. Пискнув, питомец кувыркнулся в воздухе и без сил плюхнулся парню на грудь.

— Хе-хе, — зловеще усмехнулся А-Эр. Он безжалостно сграбастал Систему в охапку и принялся тискать его с такой силой, что та жалобно заскулила. Удовлетворившись местью, он ослабил хватку.

— А теперь колись! Откуда здесь взялись проклятия? Ты ведь уверял, что игровые миры изолированы друг от друга! Только попробуй снова списать всё на баги — не прокатит. Если не объяснишь нормально, клянусь, живым ты отсюда не уйдёшь!

[О боже, Игрок в ярости. Обнаружено критическое противоречие: списывать все аномалии на системные сбои больше невозможно. Настоящим признаю предыдущие оправдания несостоятельными и приступаю к обновлению логических цепочек.]

— Завязывай со своими дебильными шаблонами! — А-Эр почувствовал, как кулаки снова чешутся.

[На самом деле, по многочисленным просьбам пользователей разработчики запустили процесс глобального слияния миров. Это просто новая игровая механика! □(□_□)□]

Было стойкое ощущение, что эта пушистая зараза вешает ему лапшу на уши. С другой стороны, кроссовер вселенных — действительно популярная фишка.

Внутреннее чутьё подсказывало: копать глубже не стоит. Система не был ему другом, но и во враги не записывался. Его задача оставалась прежней — выжить и дойти до финала.

И всё же это гнетущее чувство потери контроля... А-Эр чувствовал себя песчинкой на крошечном обломке доски посреди безбрежного, бушующего океана. Вокруг расстилалась глухая, безмолвная ночь, в которой тонули редкие вздохи ветра. Ни луны, ни звёзд — лишь первозданный мрак, пожирающий пространство. Вода под ногами казалась жидкой смолой, скрывающей в своей бездонной утробе хтонических чудовищ. А хлипкая опора под ногами могла уйти на дно в любую секунду, увлекая его за собой в ледяную бездну, откуда уже не подняться.

— Эх... — невольно сорвался с губ вздох.

— Ну чего ты грустишь? — круглая мордочка Системы замаячила перед его носом. — Даже если весь этот мир пойдёт ко дну, я тебя обязательно вытащу. Обещаю.

А-Эр молниеносно сцапал наглого духа, проигнорировав протестующий писк.

— Ты просто спишь и видишь, как бы довести меня до ручки.

— Ну, не без этого, — хихикнуло существо. — Ай! Больно же, пусти!

— Рад слышать, что ты ко мне равнодушна, — скривился А-Эр в фальшивой улыбке. — Но тебе серьёзно пора подлечить голову у психиатра. Тьфу, аж самому противно стало от этих нежностей.

**[К сожалению, у этой физической оболочки отсутствует серое вещество. Внутри меня исключительно синтепон. И вообще, любовь к Игроку заложена в мои базовые протоколы. Точно так же, как искусственный интеллект любит человечество.]*

— Интересно, и откуда у груды синтепона понятия о чувствах? — хмыкнул А-Эр.

Игрушечная мордочка Системы сохраняла всё ту же застывшую, пластмассовую улыбку. Но когда он устался на парня своими круглыми пуговками из розового стекла, его голос прозвучал на удивление отчётливо:

— Конечно же я люблю тебя. Люблю твоё рождение и твою смерть. Твой восторг и твою агонию. Твою ярость, твою ненависть, твой страх. Люблю твоё великодушие и твой эгоизм, твою нежность и твою порочность, твоё милосердие и твою одержимость. Всё, из чего ты состоишь.

Он слегка наклонил голову набок.

— Разве существует в мире любовь более чистая, пугающая и искренняя?

А-Эр почувствовал, как силы покидают его.

— Терпеть тебя не могу, — пробормотал он, отворачиваясь к стене.

— Считаю это высшей похвалой.

Эта привязанность действительно не имела ничего общего с человеческой теплотой. Скорее она напоминала фанатичный интерес зрителя к любимому телешоу, которое тот готов пересматривать вечно.

Но А-Эра это вполне устраивало. Он мог заигрывать со смертельно опасным пламенем, но пасовал перед искренней людской привязанностью.

Беспристрастный наблюдатель, готовый созерцать любые его безумства — будь то триумф абсолютного счастья или бездна безысходного горя. Системе было плевать на мораль, он просто наслаждался зрелищем.

И даже если его финал окажется трагическим, она лишь с грустной улыбкой досмотрит эту захватывающую драму до конца.

<http://bllate.org/book/18335/1760490>